

Валентин Зверев:
«Новая работа является вызовом для меня...»

Имя замечательного музыканта Валентина Зверева во времена Советского Союза было известно многим истинным ценителям симфонической музыки. Высокий художественного уровень отечественного оркестрового исполнительства тех лет связан как с именами знаменитых дирижёров, так с плеядой великолепных солистов-духовиков, таких, как флейтист Зверев. Как же складывалась его блестящая оркестровая карьера в лучших оперных и симфонических оркестрах страны, как развивалась его дирижёрская и педагогическая деятельность?

Маэстро Зверев согласился ответить на эти вопросы и поделился своими воспоминаниями с корреспондентом «Музыкальной Жизни».

– Мои родители не были музыкантами, и я случайно попал на флейту. В музыкальной школе я не учился, моей детской мечтой было стать лётчиком. Но когда мне было 13 лет, мой друг записался в секцию духового оркестра Воронежского Дома Пионеров и, заодно, привёл и меня туда. Через год я уже поступил в Воронежское музыкальное училище. Единственным преподавателем по классу флейты там был Митрофан Андреевич Гольдштейн, солист областной филармонии. Это был замечательный педагог, дававший именно школу. Когда я приехал поступать в 1960 году в Ленинградскую консерваторию, то прослушавший меня мой будущий профессор Иосиф Фёдорович Янус сказал, что мне очень повезло с моим первым учителем в Воронеже.

– **После успешного выступления на Всесоюзном конкурсе 1963 года (II премия) и ещё учась на последнем курсе Ленинградской консерватории, вы решились поступать в свой первый оркестр – в Кировский театр. Таково было начало вашей профессиональной карьеры?**

– Да, именно так. Весной 1965 года, в марте, был объявлен конкурс на

место второго флейтиста. Не все, кто хотел, решились тогда принять участие в этом соревновании. А я всё-таки подал тогда документы, ведь у меня не было иного выхода. Дело в том, что я заканчивал в том году консерваторию и меня должны были по распределению (а в те времена это был железный закон) отправить в Красноярск в оперетту. Я же не хотел туда ехать и пошёл ва-банк: если бы я не поступил в Кировский театр и при этом уже отказавшись от официального распределения в другой город и оркестр, то не получил бы диплом о высшем образовании.

Я взял для исполнения самую выигрышную пьесу своего репертуара – «Легенду» французского композитора Марселя По. Эту пьесу я, кстати, с большим успехом исполнил и на Всесоюзном Конкурсе. Прослушивание было в фойе театра, было очень много народу и после моего исполнения «Легенды» зал буквально взорвался аплодисментами. Тогда меня попросили сыграть классическую пьесу. Я ответил, что нот концерта Моцарта у пианистки сейчас нет, но я могу сыграть сольную Партиту И.С.Баха ля минор. Как мне сказал потом мой педагог профессор Янус, присутствовавший на прослушивании в зале, он подумал, что в тот момент конкурс для меня закончился. А всё потому, что я взялся разучивать эту партиту всего за несколько дней до этого, только-только разобрал первую часть и не показывал её ещё в консерватории. Это было практически моё первое исполнение этой части наизусть, но я не ошибся и сыграл хорошо. На следующий день меня пригласили на читку с листа, которая у меня никогда не вызывала хлопот. Так что и в этот раз всё прошло благополучно. Недели через две мне было прислано официальное письмо с объявлением решения комиссии о принятии меня в штат оркестра.

В том же 1965 году я поехал уже в составе духового квинтета на свой первый международный конкурс в Будапешт, где мы заняли третье место. Перед тем как попасть туда, мы прошли сложнейший отборочный тур, как все говорили равносильный Всесоюзному Конкурсу.

А уже в следующем 1966 году духовой квинтет Кировского театра принял участие в конкурс ARD в Мюнхене. В ту пору в я был ещё вторым флейтистом, но вскоре я стал регулятором. И получилось так, что к началу

конкурса в составе квинтета все участники были солистами Кировского театра. Готовились к конкурсу мы серьёзно. Каждый день без выходных мы занимались вместе по четыре часа с десяти утра до двух дня, а после готовились индивидуально. Программа была большой и очень сложной, требовалась хорошая, насыщенная и именно сбалансированная ансамблевая игра. В итоге наши старания не прошли даром, и мы выиграли этот конкурс.

– Следующим местом вашей работы стал уже симфонический оркестр?

– После первой для меня победы на конкурсе в Мюнхене, я проработал в Кировском театре ещё несколько лет, а затем, в 1968 году, стал первым флейтистом Госоркестра. Мне давно уже хотелось сменить ритм достаточно будничного музицирования в репертуарном театре на работу в симфоническом оркестре.

Всё сложилось неожиданно удачно. Помимо прочего, в том году я принимал участие в конкурсе «Пражская весна». В мае, по дороге туда, я на несколько дней остановился в Москве для того, чтобы сыграть прослушивание. Главный дирижёр оркестра Евгений Фёдорович Светланов при нашей первой встрече сказал, что хочет работать со мной и что он имеет представление о моих способностях. Но многие в оркестре не знают меня, и поэтому он хочет, чтобы я принял участие в официальном конкурсе.

Я исполнил первую часть Концерта Моцарта ре мажор. Светланов сказал спасибо, достаточно и все в один голос проголосовали за мою кандидатуру. Так, по пути на «Пражскую весну», я и поступил в новый оркестр.

Играл в Праге я очень хорошо и занял первое место. В тот же год там был и ставший знаменитым впоследствии английский флейтист Джеймс Гелвей, мы встречались пару раз за кулисами, но получилось так, что я, из-за разного расписания наших выступлений, так и не услышал его игру вживую. Мы всё время с ним менялись позициями – после первого тура я шёл первым, после второго он. Ну а на третьем туре, на Концерте Моцарта ре мажор, я его всё же обошёл.

По возвращении в Союз, начал я работать в Госоркестре не сразу. Дело было в том, что из-за того, что меня могли забрать в армию, я ещё целый год,

по взаимной договорённости со Светлановым, отработал в Кировском театре, который предоставлял бронь от службы в армии, а Госоркестр нет. Так и получилось, что я начал официально работать в оркестре Светланова только в июле 1969 года, когда я окончательно перебрался в Москву.

Бытовые условия в столице мне приходилось налаживать с большим трудом. Жить мне было негде, никакой прописки не было, пришлось в течение полутора лет снимать жильё. Затем я набрался храбрости и обратился к Светланову с просьбой решить мои жилищные вопросы и с его помощью мне удалось купить кооперативную квартиру.

Несмотря на всё, в 1970 году я принял участие в своём последнем международном конкурсе. Вновь в Мюнхене на конкурсе ARD, но уже не в составе духового квинтета, а как солист я занял второе место, причём первое место присуждено не было.

– Как долго вы прослужили в Госоркестре?

– В общей сложности у Светланова я проработал 13 лет, с 1969 по 1982 год. А потом мне перестало нравиться играть только на флейте, я решил серьёзно заняться ещё и дирижёрской карьерой. В 1979 – 1982 годах я учился в аспирантуре Ленинградской консерватории по классу дирижирования, параллельно продолжая работать в оркестре в Москве. Преподавателем моим был Юрий Темирканов, с которым у нас сложились хорошие, дружеские отношения.

На выпускном экзамене я дирижировал Малера, «Песню об умерших детях», притом мне удалось уговорить спеть Елену Васильевну Образцову. Дирижировал я, ни много ни мало, оркестром Ленинградской филармонии. Выпускная программа у меня была, сделавшая бы честь любому дирижёру! Кроме Малера мы исполнили несколько номеров из оперы «Тристан и Изольда» Вагнера и Вторую симфонию Брамса. Все эти произведения я дирижировал наизусть.

– Как воспринимались Ваши дирижёрские устремления на основном месте работы в Госоркестре?

– Без особого понимания и, в конце концов, всё завершилось разрывом. Осенью 1982 года в Ленинграде я договорился уже со всеми о дате экзамена,

которую совершенно невозможно было изменить. Мне надо было всё отрепетировать с солистами и оркестром, и я попросил директора Госоркестра отпустить меня на месяц в творческий отпуск. Светланов, который в то время ставил оперу в Лондоне, ответил через директора, что он категорически против и не может отпустить меня с работы на такой срок. Тогда я написал заявление об уходе по собственному желанию, а Светланов, вернувшись из-за границы, его подписал.

– Как на этом нервном фоне Вам удалось провести выпускной экзамен?

– Концерт прошёл блестяще! Для меня это была одна из вершин всей моей музыкальной карьеры. Прославленный оркестр Ленинградской филармонии принял меня очень тепло. Художественный совет ленинградской консерватории, дирижёры Темирканов, Дмитриев, Янсонс поздравили с более чем успешным завершением аспирантуры.

А на следующее утро я проснулся счастливым, но совершенно безработным, что называется у «разбитого корыта». Надо было вновь выстраивать свою жизнь, мне пришлось серьёзно задуматься над своим будущим. Я сумел договориться с камерным ансамблем «Барокко» при Ярославской филармонии и целый год проездил с ними в качестве флейтиста по разным Домам культуры.

– И как складывалась ваша карьера дальше?

– В январе 1984 года мне позвонил из Большого Симфонического Оркестра, с предложением от главного дирижёра Владимира Ивановича Федосеева о встрече и разговоре на тему приглашения меня на работу. Скажу честно, я с недоверием пошёл на этот разговор, но после нашего личного общения уяснил для себя, что предложение о работе от Федосеева было серьёзным. Причём мы договорились, что он будет учитывать и мои дирижёрское образование – я поступил в БСО в качестве ассистента дирижёра и солиста-флейтиста.

Я проработал в этом оркестре до сентября 1987 года. Сначала главный дирижёр давал мне достаточно много нагрузки в качестве его ассистента. Я довольно много работал на репетициях, расширял свой дирижёрский

репертуар: все симфонии Чайковского, «Страсти по Матфею» И.С.Баха, Первая симфония Шумана, «Неоконченная» симфония Шуберта. В эти годы я много записывался для радио и в качестве дирижёра, и в качестве флейтиста.

Но со временем, Федосеев стал давать мне дирижировать всё меньше и меньше, и я написал заявление об уходе, и мы мирно расстались.

– В последующие годы вы более предпочитали заниматься музыкой в качестве дирижера?

– В начале 1988 года я нашёл возможность организовать камерный оркестр «Амадеус» при Пензенской областной филармонии. В ноябре 1989 наш коллектив был переведён на баланс Московской Государственной Концертной Организации «Росконцерт», в штате которой мы и работали вплоть до ликвидации этого концертного объединения после развала СССР в 1991 году.

Какое-то время я даже вообще не работал из-за резкого ухудшения здоровья и находился в трудном материальном положении. В тот момент меня очень сильно поддержал Владимир Спиваков, и даже в финансовом плане, за что ему огромное спасибо. Мы были давно с ним знакомы, так как я выступал на концертах «Виртуозов Москвы» в качестве солиста – мы много раз играли Сюиту №2 си минор И.С.Баха.

– В 1992 году вы вернулись в Ленинград, вернее, на этот раз уже в Санкт-Петербург?

– Да, я поступил в Заслуженный коллектив России Академический симфонический оркестр под управлением Темирканова при государственной Филармонии имени Шостаковича в Санкт-Петербурге. Там, в качестве солиста-флейтиста я проработал с декабря 1992 года по апрель 1998 года.

– Осенью того же 1998 года Вы оказались в Корейской Республике?

– Получилось так, что меня пригласили преподавать флейту в Школу Искусств при Корейском Университете. Там много слышали обо мне и знали, что в тот момент я не занят по работе в России. Такого рода новая работа была в чём-то вызовом для меня, я почувствовал творческий интерес.

Моё преподавательское кредо всегда состояло в том, что необходимо развивать сначала художественно-образную область музицирования, в

первую очередь работать над постановкой звука, а не ставить на первый план беглость пальцев как самоцель. Техника у флейтистов должна быть певучей, а уверенно исполненные пассажи должны ещё больше подчёркивать красоту мелодии. Большое внимание при построении учебного процесса следует уделять развитию навыков слаженной ансамблевой игры, которые обязательно пригодятся студентам в их будущей оркестровой карьере. Помимо этого, музыкант обязан хорошо разбираться в музыкальных стилях, знать законы построения музыкальной формы, быть высокообразованным, интересующимся разными видами искусств человеком.

В Сеуле я преподавал восемь лет. Корейская сторона была очень довольна моей деятельностью, они хотели продлить со мной контракт. Более того, в Корее шла речь даже о том, чтобы предложить мне ещё и дирижёрскую должность. Но мне хотелось продолжить педагогическую деятельность в России, и я с удовольствием принял приглашение вести класс духового ансамбля в Московской консерватории. У меня очень интересные и амбициозные ученики, и я надеюсь, что они смогут с моей помощью вскоре оказаться среди лучших представителей своей профессии.

Беседу вёл Антон АБАНОВИЧ.